

Василий БЕЛОВ

Все покамест по-прежнему...

Нынче отовсюду со всех трибун то и дело слышны са-краментальные возгласы, требующие немедленно накормить страну. Особым нетерпением отличаются некоторые столичные журналисты и отнюдь не оголодавшие депутаты, пугающие правительство голодными бунтами и февральскими революциями. Что говорить, дело серьезное. Оснований для недовольства достаточно. Но спросим, кто ее должен накормить, нашу страну-то? Казалось бы, ответ ясен и прост. Однако не спешите с выводами... Еще на первом Съезде прозвучало требование немедленно распечатать казну, чтобы закупить продовольствие. (И

ТРИБУНА НАРОДНОГО ДЕПУТАТА

распечатали. Правда, и опыт у нас уже был, причем весьма основательный). Так что ответ на вопрос «кто накормит страну» получается неоднозначный.

«Неоднозначно» — любимое депутатское выражение.

Но дебаты вокруг «накормления страны» debатами, а наш внешний долг растет да растет. Большую часть валютных поступлений мы попросту проедаем, вырубая американских и европейских фермеров. А что мелочиться? Голландское масло и немецкая колбаса, кубинская картошка и польские яблоки ничуть не хуже. И все это в обмен всего лишь на лес, на газ, на нефть и прочее несъедобное сырье.

В таких условиях вовсе не обязательно снабжать горячим собственное крестьянство во время уборки. Не надо ни складов, ни холодильников. Ни к чему строить дороги и дома для колхозников. Пусть сами выкручиваются. Дойли мужика семьдесят лет, совсем выдоили. Ну а теперь

(Окончание на 2-й стр.)

ВСЕ ПОКАМЕСТ ПО-ПРЕЖНЕМУ...

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

куда его, сиволапого? Конечно, на свалку истории, прокормимся без него... Так или примерно так рассуждают иные леворадикальные депутаты. Они и впрямь рассчитывают прокормиться без многонационального отечественного крестьянства.

Увы, не прокормятся! Многие публицисты, вчера обывавшие крестьянина дремучим собственником, торгуют сегодня танками либо «отходами» магниевого производства. Они требуют закона о продаже земли. «Накормить страну!» — вопят они на предвыборных митингах. И люди голосуют за них...

Нынешние Основы законодательства о земле еще ничего не значат. Они ничего не дают, если мы не перестанем грабить крестьянина независимо от того, колхозник он или единоличник. А грабить до сих пор дозволяется и того и другого. Опыт тут есть, и у Минфина отработано очень много всяческих способов. Колхозника с помощью налогов и цен легче грабить, а с тех, кто захочет иметь землю, еще и взять-то нечего. Да и немного таких смельчаков! Закон о земле еще не действует и неизвестно, когда будет действовать. Крестьянских кредитных банков нет и в помине. Промышленность работает сама на себя. Но самое главное — нет ни юридических, ни экономических, ни каких-либо других гарантий. Нет веры в серьезные намерения государства. Какая может быть ве-

ра, если до сего дня не реабилитированы миллионы крестьян, погибших не на войне, а в лагерях и застенках?

Наши органы с завидной поспешностью пересматривают судебные решения на репрессированную в 1937 году военную и гражданскую интеллигенцию. Но почему-то не спешат реабилитировать самых безвинных и самых многочисленных страдальцев нашего го-

зили на своих лошадях, видимо, была не одна лошадь. Дом срубили. У меня первое, что запомнила, был пир, было много гостей, и это было уже в новом доме. Видимо, справляли новоселье. Дом был пятистенный с балконом (наверху жилое помещение). За видно стало лодырям, бедноте. «Видишь, какой дом сделал, да и хлеба наращивает вдоволь, надо его окулачить». Так

контору, то их предупреждали, чтобы они не заходили к семье кулака. Вот какие мы были преступники — за свои труды.

Шли годы. Когда отец отбыл наказание, мы с мамой уехали к нему в Кировскую обл., г. Котельнич. Там нас поселили в баню. Баян была «белая», что значит с печкой из кирпича. Там умерла мама. После ее смерти отец опять

нокое мое скитание по белу свету. Много горького хлебнула, если бы писать все подробно про мою жизнь, написалась бы книга. В настоящее время я на пенсии. Муж 1925 г. рожд., инвалид войны, тоже на пенсии. Вырастили 4 дочерей, все замужние. Трое живут в районе, одна — в Чагоде Вологодской области. Имеем 11 внуков. Шумно бывает в нашем доме, особенно летом. Теперь идет перестройка. Принимают законы о земле, о собственности. Не отдадут ли мне отцовский дом как наследство от отца, хотя я бы знала, что какая-то часть его трудов не пропала бесследно? Дом этот перевезен и поставлен на территории сельского Совета. Все эти годы дом используют: сначала была начальная школа, потом интернат, потом квартиры. И до сих пор он не пустует. Или, может, выплатят какой-то процент за эксплуатацию, ведь все же пользуются домом около 60 лет. Василий Иванович, пожалуйста, прошу Вас, напишите, законно или нет я предъявляю такие требования. Могут это сделать или нет? И к кому мне обращаться с этим вопросом?

— Некипелова (Попова)
29.II.90 г.»

Таких писем приходит очень много. Слшком много!

Уважаемая Павла Киприяновна, что я могу Вам сказать? Мне как депутату стыдно перед Вами. Ваше справедливое требование по-прежнему считается незаконным, и куда обращаться с таким вопросом, по-прежнему неизвестно. Будем все же надеяться на лучшее будущее...

Пришло время реабилитировать крестьян, пострадавших в годы сталинской коллективизации

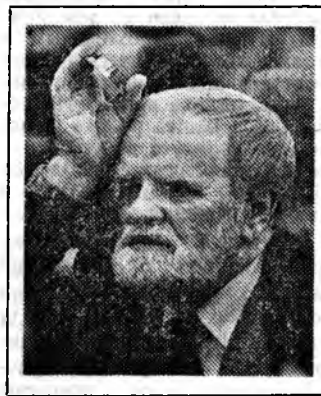
сударства. И ни комиссия ЦК КПСС по реабилитации, ни Верховный Совет не торопятся с этим, на мой взгляд, неотложным делом. Между тем миллионы людей ждут торжества справедливости.

«Москва, Верховный Совет СССР. Депутату Белову Василию Ивановичу от Некипеловой Павлы Киприяновны.

Василий Иванович, я Вас беспокою. Дело вот в чем. Я, Некипелова Павла, являюсь дочерью бывшего кулака Попова Киприяна Николаевича, проживавшего в д. Омут Трофимовского с/с Кичменгско-Городецкого района Вологодской обл. Еще в семье было 2 брата старше меня и мама. В хозяйстве из скота, так я даже не помню, кто был, но ясно, что были коровы и лошади. Отец задумал построить новый дом. Лес во-

и сделали. Какой же он кулак, когда был неграмотный, не мог написать своей фамилии. Только знал работать и работать на земле. Вот за что и получил по заслугам. Отца сослали, братья тоже были выгнаны из дома, скот весь отобрали. Остались мы с мамой вдвоем.

Я тогда ходила в школу в 1-й класс. Жили мы с мамой в зимовке (изба, поставленная сбоку, в которой жили только зимой). Еще в памяти — приехали не раз мужики (не знаю, какую они должность занимали), описывали вещи и увозили на продажу. Вещи-то были — холсты, скатерти, полотенца, все было изо льна, изготовленные своим трудом, домашнее тканье. В новом доме была контора лесопункта, так нам и не пришлось пожить в нем. Когда люди ходили в

затосковал о родине, о доме, о земле. Опять мы приехали домой, но дома у нас на месте не было. Даже не было никаких других построек. Все было нарушено. Жили на квартире, даже не в своей деревне. Отца направляют за колхоз гнать серу, но он не подчинился и ушел на уборку хлеба в соседний Никольский р-н. Оттуда приходит мне весть, что отца посадили на 2 года. И это наказание отбыл, но вскоре умер в г. Архангельске. Братья мои оба погибли на войне. Тут началось оди-